

И. ГОНЧАРОВ И Н. ГОГОЛЬ: СТРАННОСТИ СБЛИЖЕНИЯ

В статье делается акцент на национальном своеобразии поэтической культуры обоих мастеров слова. Гоголевские традиции и реалистический метод в литературной деятельности И. Гончарова близко соприкасающейся с творчеством Н. Гоголя.

Ключевые слова: странности сближения, гоголевская традиция, фантастические традиции, реалистический метод, «странствователь», «домосед».

Еще при жизни И. Гончаров приобрел прочную репутацию представителя русской реалистической литературы. Один из немногих русских писателей, который не призывал и не настаивал на какой-то определенной идее, никак не обозначал свою авторскую позицию и не высказывал своего отношения к героям, не описывал их в черно-белых красках, писатель «с душой чиновника, без идей, и с глазами вареной рыбы, которого бог, будто на смех, одарил блестящим талантом» [1, с. 107]. И. Гончаров труден и сложен, и нужно большое напряжение сил для того, чтобы понять его. Знаком был со всеми, но не дружил ни с кем.

Литературоведение строится на узнаваниях и прозрениях, оно импрессионистично и любит нюансы, неожиданные сближения. Их обнаружение вызывает сложное чувство. И. Гончаров начинал свою литературную деятельность как представитель гоголевской школы. «<...> Гоголь с его манерой письма, с характером его юмора, с его неповторимыми типажам был для молодого Гончарова каким-то наваждением, под чары которого он то и дело невольно подпадал. Ладно, если бы речь шла только о подражательстве. От последнего, в конце концов, не так уж сложно избавиться. Дело было в куда более существенном: Гончаров и сам, по собственной природе, был склонен к тому, чтобы на многое в человеке смотреть так, как смотрит иногда Гоголь, – с мягкой необидной улыбкой. Он никогда не смог бы подражать другому Гоголю – автору фантастических повестей. Этот ошеломляющий, по-колдовски щедрый на выдумки Гоголь восхищал его, но совсем не был близок. Зато благодушного, необходимого в своем смехе Гоголя «Старосветских помещиков» он обожал. Проявленная писателем в этой вещи

мера отношения к человеку казалось ему почти идеальной: любовь, отмеченная улыбкой снисхождения к людским слабостям!» [2, с. 57].

Тонкая авторская ирония, четкие характеристики героев, точность и прозрачность фразы в ранней «малой» прозе И. Гончарова особенно ощутимы на литературном фоне прозы 30-х годов XIX века. В «физиологических очерках», в том числе и в «Иване Савиче Поджабрине», чувствуется прямая преемственность с петербургскими повестями Н. Гоголя: похожая манера письма, одинаково ироничный взгляд на обыденность и на людей. По словам П. Лощица, – «<...> Тяжеленко из «Лихой болести» был словно списан с какого-нибудь гоголевского персонажа. Да и Иван Савич Поджабрин из одноименного очерка, как приглядишься к нему поближе, был – вместе со своим слугой Авдеем – слабым оттиском с гоголевских Хлестакова и Осипа: та же легкомысленность, хвастливость, слабость к женскому полу у одного и дремучая лакейская лень у другого» [2, с. 57].

Например:

Н. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»

«...Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то запорожцем; но выгнали его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем, было где и поместиться: потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что, какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не-

заметно, и казалось — винокуренная кадь двигалась по улице...» [3, т. 1, с. 176].

И. Гончаров «Лихая болестъ»

«...Он (Тяжеленко—прим. И. Г.) проводил большую часть жизни, лежа на постели; если же присаживался иногда, то только к обеденному столу; для завтрака и ужина, по его мнению, этого делать не стоило. Он, как я сказал, редко выходил из дому и лежакою жизнью приобрел все атрибуты ленивца: у него величественно холмилось и процветало нарочито большое брюхо: вообще все тело падало складками, как у носорога, и образовывало род какой-то натуральной одежды...» [4, т. 1, с. 357–358].

Свободное обращение к читателю, непосредственное, как бы воспроизводящее устную речь повествование, обилие лирических и юмористических отступлений — это особенности сказовой манеры повестей и очерков И. Гончарова. Авторское изложение имеет характер живой импровизации. Сказывается влияние Н. Гоголя. Сравнивая произведения этих двух писателей, можно выделить параллели в письме, приемах сказовой манеры.

Н. Гоголь «<...> Вечера на хуторе близ Диканьки» Майская ночь, или Утопленница (гл. 2).

«<...> Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий» [3, т. 1, с. 87].

И. Гончаров «Счастливая ошибка»

«<...> Однажды зимой в сумерки... Да! Позвольте прежде спросить, любите ли вы сумерки? — слышу молчание», а молчание есть знак согласия: стало быть, любите. Да и как не любить сумерек? Кто их не любит? Разве только заблудившийся путник с ужасом замечает наступление их, расчетливый купец, неудачно или удачно торговавший целый день, с ворчаньем запирает лавку, еще — описец, не успевший передать полотну заветную мечту, с досадой бросает кисть, да поэт, житель чердака, грозит в сумерки проклятиями Аполлона лавочнику, который не отпускает в долг свечей» [5, т. 7, с. 395].

Хорошо и тщательно портретируются герои, и есть возможность заглянуть в изменчивую внутреннюю жизнь человека.

Описание судьи у Н. Гоголя

«<...> У судьи губы находились под самым носом, и оттого нос мог нюхать верхнюю губу, сколько душе угодно было. Эта губа служила ему вместо табакерки, потому что табак, адресуемый в нос, почти всегда сеялся на нее, нос его невольно нюхал верхнюю губу <...> такое самоуправство носа причинило судье еще более досады. Он вынул платок и смел с верхней губы весь табак, чтобы наказать дерзость его» [3, т. 2, с. 301, 311].

Описание действительного статского советника барона Карла Осиповича у И. Гончарова

«<...> Вообразите огромную лыси-ну, которая по бокам была вооружена двумя хохолками редких, седых, стоячих волос, очень похожими на обгоревший кустарник; вскоре после лысины следовал нос: то был конус значительной величины, в который упиралась верхняя губа, помещенная у самого его основания, а нижняя, не находя преграды, уходила далеко вперед, оставляя рот отворенным настежь; по бокам носа и рта бежали две глубокие морщины и терялись в бесчисленных складках под глазами» [5, т. 7, с. 430].

В повести «Шинель», где Н. Гоголь использует двадцать названий одежды, даже деталь становится как бы действующим лицом. Как старая шинель, которую сам автор оглядывает со всей скрупулезностью, потом — глазами портного Петровича, так и новая обрисованы тщательным образом. При чтении романов И. Гончарова бросается в глаза какое-то особое пристрастие автора к детальности и связанной с этим пространности описания, обрисовки персонажей, их внешности, костюма, той среды и обстановки, в которой они живут, действуют, тех ситуаций и обстоятельств, в которых находятся герои.

Н. Гоголь

«...И в самом деле, она имела какое-то странное устройство: воротник ее уменьшался с каждым годом все более и более, ибо служил на подтачиванье других частей ее. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мешковато и некрасиво» [3, т. 3, с. 188].

И. Гончаров

«...Он в своем вицмундире сидел точно в мешке...» [5, т. 7, с. 199].

Читателю желательно обратить внимание на то, как авторы подчеркивают цветовую гамму одежды, чтобы не только оценить сам кос-

твом, но и смысл, который за ним стоит. Мужской костюм как Н. Гоголя, так и у И. Гончарова осмысливается как значительно более важное, чем платье главных героинь.

Многие писатели и критики давно обратили внимание на комическое начало в русской классической литературе. И Н. Гоголь, и И. Гончаров в описаниях житейски-комических сцен используют иронию. У И. Гончарова ирония, чаще всего мягкая, которая постоянно присутствует в тексте всех произведений, дает возможность автору занять отстраненную позицию, так что при всей симпатии его к героям он может выказать свое неприятие. Граница между серьезным и смешным очень тонкая.

Приведенные ниже примеры из художественных текстов двух авторов свидетельствуют о заимствовании И. Гончаровым у Н. Гоголя приема разрушения иронией переживания главных героев. (Кстати, переживают они по одному и тому же поводу – несостоявшейся свадьбы.) «... Этот прием разрушения иронией романтической патетики в переживаниях героев станет со временем излюбленным у Гончарова. <...> Фразеология переживаний героев вполне выдержана в духе светских повестей. Но в данном случае Гончаров не идет против правды: такая фразеология, такой язык действительно были характерны для романтиков из дворянско-аристократической среды...» [6, с. 105].

Н. Гоголь

«<...> Так уже, видно, бог велел, — пропадать так, пропадать!» — да прямехонько и побрел в шинок. Тетка покойного деда немного изумилась, увидевши Петруся в шинке, да еще в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене, и выпучила на него глаза, как будто спросонья, когда потребовал он кухоль сивухи мало не с полведра. Только напрасно думал бедняжка залить свое горе. Водка щипала его за язык, словно крапива, и казалась ему горше полыни» [3, т. 1, с. 65].

И. Гончаров

«<...> Ну вот, я теперь и спокоен! — говорил он, судорожно отрывая одной рукой пуговицу у сюртука, а другой царапая чуть не до крови ухо, — совершенно спокоен! Одно дело кончил, теперь займусь другим... о! я забуду ее! <...> великолепное здание мечтаний

рушилось! — он совсем оторвал пуговицу и до крови расцарапал ухо» [5, т. 7, с. 450].

Комическая причудливость (у обоих авторов) еще и в том, когда не только вещи похожи на людей, но и люди похожи на предметы: у Н. Гоголя толщина помещика Старченко, когда он «<...> повалился на постель, и казалось, огромная перина легла на другую» [3, т. 7, с. 280], похожесть его матери на «кофейник в чепчике» и т. д.; у И. Гончарова княгиня «<...> по-текла далее, влача за собой ма-ленькую, коротенькую княжну, как корабль влачит лодочку» [5, т. 7, с. 454].

Удивительны по точности рисунка пейзажные картины, описания жанровых сцен, деталей быта. Вещный и живой мир, так как человек живет в мире вещей, значит, без описания окружающего нас мира невозможно представить себе ни одно произведение. Автор не может не дать представления читателю о «вещной» ситуации: в нашем сознании халат Обломова или мебель Собакевича могут поспорить с вещами реальными. «Мелочная» пристрастность к миру вещей в русской прозе пошла от Н. Гоголя, и И. Гончаров доводит до совершенства раскрытие связи человека с окружающим его бытом.

В повести «Портрет» гоголевский персонаж в погоне за вещным уже не может творить по вдохновению, а только писать портреты на заказ за деньги. Одна из причин отхода от культуры и духовности — вещиизм, который становится для многих смыслом жизни.

Например, Чичиков покупает тонкие голландские рубашки, сукно «коричневых и красноватых цветов с искрою», мыло, одеколон... и души, которые тоже становятся товаром. Гоголевский персонаж, а именно Нос — «вещь», предстает перед нами то в виде вещи, то в виде человека.

«<...> И странно то, что я сам принял его сначала за господина. Но, к счастью, были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос» [3, т. 3, с. 83].

Поджабрин — владелец комодов, столов, стульев, «красных и зеленых» диванов, кресел, «<...> одного платья рублей на семьдесят будет» и, в своем роде, «коллекционирует» женщин.

У И. Гончарова в очерке «Литературный вечер» перед нами улыбка-женщина или женщина-улыбка. «<...> Она вошла с этой улыбкой, здоровалась ею же со всеми, с улыбкой слушала чтение и уедет с тою же стереотипной улыбкой,

которая так же известна была всем ее знакомым <...> Она являлась с этою улыбкою везде, даже на похороны, и теперь таяла от удовольствия еще до начала чтения» [5, т. 7, с. 104].

Своеобразно соотношение речи персонажей и авторской речи. В авторском «голосе» звучит речь персонажей, отношение к тому или иному вопросу, отражается их позиция (в авторском повествовании). Стилистическую однородность авторской речи и речи персонажей можно объяснить, с одной стороны, тем, что многие герои И. Гончарова люди образованные, носители литературного языка. Другая сторона – черты собственного стиля И. Гончаров переносил в речь главных героев. Стилистическая однородность авторской речи и речи литературных героев составляет индивидуально – оригинальную черту авторского стиля И. Гончарова, особенно на фоне стиля Н. Гоголя. Все выше упомянутые характеристические черты стиля И. Гончарова отмечают и современные и позднейшие исследователи творчества писателя.

Основа художественного метода Н. Гоголя в изображении пошлых, заурядных, ординарных характеров сатирическое изображение несовершенств повседневной жизни. Н. Бердяев назвал талант Н. Гоголя «мистическим реализмом». Реализм И. Гончарова классический, где много деталей, философского подтекста. Ю. Лощиц считает, что «<...> реалистический метод Гончарова так и хочется назвать здесь как-то по особому: определить его – пусть начерно, условно, в рабочем порядке – как некий мифологический реализм...» [2, с. 168]. В творчестве И. Гончарова фантастические мотивы, столь частые в повестях Н. Гоголя, не нашли места. Трезвый и реалистический ум И. Гончарова свободен от всего мистического и потустороннего.

Н. Гоголь и И. Гончаров схожи не только в творчестве, кажется, что сама жизнь сближает их. Н. Гоголь сжигает вторую часть «Мертвых душ», И. Гончаров сжег часть домашнего архива и письма. Задумываясь над своим будущим, оба писателя отказываются рассматривать барскую усадьбу в качестве источника своего существования. Средства к жизни они добывают собственным трудом в Петербурге. У обоих не было собственной семьи. Н. Гоголь берет на себя заботу о своих сестрах, а И. Гончаров заботится о детях старого слуги Карла Трейгута. Приехав в

столицу из Нежина, Н. Гоголь узнал на собственном опыте положение бедного чиновника-переписчика в департаменте и среду молодых художников. Этот жизненный опыт позволил писателю показать в своих повестях Петербург глазами бедного художника (Пискарева и Чарткова), а также бедного рядового чиновника (Поприщина и Акакия Акакиевича).

Лица, которые сегодня, в определенные часы, появились на Невском проспекте, в те же часы появляются на нем завтра; поэтому один день в гоголевском Петербурге похож на другой. У И. Гончарова, приехавшего из Симбирска, Петербург – это светское общество, в основном мир чиновников и их порядки. И. Гончаров выразительно нарисовал быт, нравы, психологию обитателей большого петербургского дома.

Обоим писателям свойственна болезненная подозрительность. Так, между Н. Гоголем и М. Погодиным происходит творческий конфликт, а позже у И. Гончарова с И. Тургеневым. «Выбранные места из переписки с друзьями» настолько оказались неожиданными для читателей, что стали распространяться слухи о сумасшествии писателя. По воспоминаниям Т. Данилевского: «<...> Молва о помешательстве Гоголя, действительно, в то время была распространена в обществе» [7, с. 436]. С. Аксаков возмущался тем, что Н. Гоголь публично обесчестил М. Погодина. В письме к сыну от 14 января 1847 года он отметил: «<...> Я никогда не прощу ему выходок на Погодина: в них дышит дьявольская злоба...» [8, с. 400–401]. И. Гончаров в «Необыкновенной истории» публично обвинил И. Тургенева в присвоении чужих мыслей. Сдержанный, даже флегматичный, И. Гончаров наблюдает за происходящим в департаменте, канцелярии, чиновничьем быту. Если для Н. Гоголя важен вопрос: «Как полюбить людей?», то для И. Гончарова этот вопрос важности не представляет, проще говоря, он и не ставится. Его интересует другое: произведения, в которых ценности Дома и Дороги проверены сюжетом, в которых сопоставлены два типа героев: «странствователь» и «домосед».

И. Гончаров рисует Дом русского чиновника или вельможи: это дворянская усадьба или квартира в Петербурге. Образ Дома является одним из главных, лежащих в основе повествования. Как отмечал Ю. Лотман, «<...> история

проходит через Дом человека, через его частную жизнь» [9, с. 4]. Образ Дома автобиографичен и является центральной фигурой. Он много значит для героя и произведения. Например, в «Фрегате «Паллада» показывается специфическая «домовитость» вестового Фаддеева, и корабль воспринимается командой как уютный и надежный дом. Дом – своеобразный хронотоп: пространство, в котором обитает человек, время, история, в которой отражается специфика эпохи. И. Сухих пишет: «<...> В этой книге словно конфликтуют, выясняют отношения Странствователь и Домосед (персонажи стихотворения К.Д. Батюшкова): подробное, любовное и добродушно-юмористическое описание чужих земель и обычаев все время корректируется памятью о родине; романтика дальних странствий испытывается мирным образом домашнего очага, привычной жизни.

«Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я – скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды, заключенный в четырех стенах, с несколькими десятками похожих друг на друга лиц, вицмундиров. В другом я – новый аргонавт, в соломенной шляпе, в белой льняной куртке, может быть с табачной жвачкой во рту, стремящийся по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду, меняющий ежемесячно климаты, небеса, моря, государства» [10, с. 146].

Стремление изобразить идиллию сельской жизни и, прежде всего, в национальном своеобразии поэтической культуры обоих мастеров слова привело к изображению утопии: у Н. Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», где время исчисляется праздниками, где рисуется самобытная Украина с элементами фольклорной легенды и сказки; у И. Гончарова – это Грачевка из «Обыкновенной истории» и патриархальная Обломовка – «царство лени», где время застыло от обеда до ужина.

Тема Дороги играла в замысле Н. Гоголя главную роль, стало быть, его герой-«странствователь». Образ Дороги делает мир незавершенным, открытым для преображения. Дорога выступает в качестве героя и объединяет все важные события. «<...> На дороге («большой дороге») пересекаются в одной временной и

пространственной точке пространственные и временные пути много различных людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы» [11, с. 392].

Н. Гоголь одним из первых поставил важнейшие проблемы, над которыми будут биться писатели последующих эпох. Своей поэмой он открыл дорогу социально-психологическому и нравственно-философскому роману. И. Гончаров следовал гоголевской традиции, но социальная сатира Н. Гоголя не затрагивала душевную сферу героев, она ограничивалась разоблачением пустоты их псевдодеятельности.

Одним из больших открытий в литературе было открытие обыденности. Н. Гоголь рассматривал обыденность как мелочное, ничтожное и бездуховное. У И. Гончарова обыденное – естественное, простое. Отсюда, проходящие события у Н. Гоголя – это перечень событий, определяющий сюжет, у И. Гончарова они предстают обыденными в жизни героя. И еще одно открытие, сделанное И. Гончаровым: оба образа жизни (движение и сидение) должны быть совмещены. Из странствий возвращаются домой, а из дома отправляются странствовать.

«<...> Сближение вершин в литературе всегда поучительно и законно. Любая вершина соотносится с другой вершиной, в этом нет натяжки, произвола сопоставителя – горное эхо, разносясь по отрогам, меняет голос, но остается эхом гор» [12, с. 244]. На первый взгляд, это, действительно, странности сближения, но есть внутренняя глубокая связь, которая оттеняет самобытность каждого писателя и его индивидуальность, отсюда и различия, которые делают их еще ближе друг другу.

Сколько еще писательских загадок придется разгадать? «<...> Это так: великие задания каждому из нас – от млада до стара – оставлены отечественной классикой. Настолько великие и обязывающие, что общественное сознание постоянно пребывает вокруг них неуспокоенным, а возбуждаемы писательским словом вопросы – томят. Иной из них, казалось бы, давным-давно уже благополучно разрешен, закрыт

и снят, но наступает час, и оказывается, что под видимостью его простоты и разрешенности ходят еще ходуном бури мысленные...» [2, с. 164]. Не решение, а постановка проблем в произве-

дениях двух писателей вызвала к мыслям и чувствам читателей, так как их творчество не художественные трактаты, а художественные произведения необычных художников.

12.02.2014

Список литературы:

1. Утевский Л.С. Жизнь Гончарова. М., 2000.
2. Лошиц Ю.М. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 2004.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7-ми т., М.: Современник, 1983.
4. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 5-ти т., М.: Лексика, 1996.
5. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8-ми т., М.: Художественная литература, 1954.
6. Рыбасов А.П. И.А. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 1957.
7. Гоголь в воспоминаниях современников. М.: Просвещение, 1952.
8. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. М.: Просвещение, 1971.
9. Лотман Ю.Н. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – СПб.: Искусство – СПб, 1999.
10. Сухих И.Н. Русская литература для всех. СПб.: Издательская группа «Лениздат», 2013.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
12. Золотусский И.П. Гоголь и Блок // Новый мир. – 1989. – №4.

Сведения об авторах

Грузан Ирина Евгеньевна, заведующий библиотекой МОБУДОД «Дворец творчества детей и молодежи», аспирант Бирского филиала Башкирского государственного университета, e-mail: irina56-oren@mail.ru

Петищева Виктория Анатольевна, заведующий кафедрой русской филологии филологического факультета Бирского филиала Башкирского государственного университета, доктор филологических наук, профессор 452453, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, e-mail: kira-02@mail.ru